

С. И. НИКОЛАЕВ

Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в.

Для историка литературного стиля первая треть XVIII в. интересна прежде всего тем, что в это время русские писатели и переводчики впервые заговорили о самой проблеме стиля. Несмотря на то что это была «самая нелитературная эпоха в истории русской литературы» (Д. С. Лихачев), когда писатели во главе с Петром I нарочито культивировали «конвульсивный стиль» (А. М. Панченко), именно стилистические проблемы, по нашему мнению, больше всего волновали словесную эстетику начала XVIII в. Вскоре все эти вопросы получили блестящее разрешение в стилистической теории Ломоносова, и все последующие споры «о языке», «о слоге» вплоть до начала XIX в. велись уже на твердой основе его теории, причем сам Ломоносов в этих спорах выступал в роли третейского судьи. Честь же постановки проблемы принадлежит петровской эпохе.

В самом начале XVIII в. первыми о стиле заговорили переводчики. Это вполне понятно. Они, «почтовые лошади просвещения», в эпоху эстетической переориентации наиболее ясно увидели несоответствие языковых средств в разных культурах, и перед ними встал вопрос: как переводить?

В предшествующую эпоху такой проблемы не было. В переводной литературе XVII в. мы не встречаем высказываний о стиле перевода. В этом нельзя, конечно, видеть признак отсталости русской эстетики XVII в. Как известно, древнерусская теория искусства слова находилась на очень высоком уровне,¹ но она разрабатывала проблемы теории текста, перевода, стиха, интерпретации и т. д. Стилистические вопросы не ставились по той причине, что они заранее были разрешены функциональным характером церковнославянско-русской диглоссии. Распад диглоссии, особенно резко сказавшийся в петровскую эпоху, когда законы диглоссии перестали соблюдаться, выдвинул вопросы стиля в разряд первостепенных. И переводчики в предисловиях к переводам начинают рассуждать о стиле автора, о стиле перевода, пускаются в длинные и запутанные объяснения. Здесь наблюдается одно довольно любопытное явление, которому опять-таки нет аналога в XVII в.: переводчики не понимают стиля автора, жалуются на его «темность и стропотность». Приведем некоторые высказывания русских переводчиков, причем опытных, известных нам еще с XVII в., а также питомцев духовных училищ, изучавших поэтику и риторiku, которых нельзя считать литературными подмастерьями.

¹ В последнее время это убедительно показала С. Матхаузерова. См. ее работы:

1) Две теории текста в русской литературе XVII в. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 271—284; 2) Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.

Ф. Поликарпов в 1698 г. в пространном предисловии к переводу «Книги хитрости, руководство воином в ратоборство» превозносит стиль автора, почти не останавливаясь на стиле перевода,² а в предисловии к переводу «Географии генеральной» Б. Варения в 1716 г. пишет, что ее следует «не общенародным диалектом российским преводити. . . дабы тако изъясних высоту и красоту слова и слога авторова».³ Как известно, Петр оценил этот перевод как «гораздо плох», и Поликарпову пришлось отредактировать его.

В декабре 1708 г. А. А. Виниус писал Петру о своем переводе трактата по механике: «Аще ли же явятся в переводе некоторые периоды к выражению трудны, молю — сие не моему нерадению, но творца той книги зело сокращенному слогу приписати». Узнав, что Петр хочет издать этот перевод, Виниус писал ему в январе следующего года: «Кая польза людям будет ли? Понеже автор сего трактата писал зело сокращенно и прикрито, не толико зря на пользу людскую, елико на subtilность своего философского письма».⁴

В 1721 г. иеромонах Симон Кохановский перевел «Увещения и приклады политические» Юста Липсия. Стиль Липсия в Европе считался эталоном, а вот как характеризует его русский переводчик: «Помянутый автор. . . написал кратко, да темно и вельми скрытно, а мне, ради объяснения разума истории, нужда была тую самую вещь пространнейшими словами писать и некия нужнейшия окрестности изображати. Вопреки, некия он истории написал пошироко, да темно же, а мне возмнилось оныя сократити и объяснить. . . Я в переводе сем не поработчен был помянутого автора штилю» и т. д.⁵

Даже такой блестящий латинист, как Феофан Прокопович, жалуется на стиль популярного в Европе в XVII в. Д. Сааведра Фахардо в предисловии к переводу его «Изображения христианно-политического властелина»: «Аще бы бо тако кто его привести потщался, дабы не мало следов наречия его не остатися, была бы вещь отнюдь невразуменная, стропотная и жестокая. Аще бы всяко разнствующим и далече отходящим от слова его образом толковати восхотел кто, не было бы то преводити, но свое новое нечто писати. . . Невозможно есть (елико по художеству моему мнится ми) всю темность и стропотность прогнати во преведении на славенский язык книжицы сия».⁶

Число подобных рассуждений легко умножить.⁷ Конечно, это вовсе не значит, что в первой трети XVIII в. не было хороших переводов, не означает это и того, что иностранных авторов вообще не понимали. Из переводческой практики XVII в. мы знаем, что бывали случаи непонимания оригинала, и как следствие этого — плохие переводы. Однако высказываний о стиле («слоге», «диалекте» и т. д.) мы не встречаем. Примечательно, что в переводах на церковнославянский язык начала XVIII в. рассуждений о стиле также нет. Так, в предисловии к «Феатрону, или позору историческому» (перевод 1720 г. Гавриила Бужинского с «потрудившимися») сказано следующее: «Преведохом же сию книгу яко от самого автора сложена есть, ничтоже пременше, ничтоже приложивше или убавивше».⁸

² П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, с. 212—213 (далее: Пекарский).

³ Цит. по: Э. В. Лукичева. Федор Поликарпов — переводчик «Географии генеральной» Бернарда Варения. — В кн.: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. (XVIII век, сб. 9). Л., 1974, с. 292.

⁴ Пекарский, с. 205—206.

⁵ Там же, с. 219.

⁶ Там же, с. 216.

⁷ См.: там же, с. 205—227 и др.; В. П. Вомперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, с. 38—54.

⁸ Цит. по: Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. М.—Л., 1958, с. 292.

Интерес к проблеме стиля, неожиданно появившийся в петровскую эпоху, не уменьшался, несмотря на то что Петр I собственно уже разрешил проблему как «теории» перевода («точию вырази́в, уж так писать, как вня́тнее»⁹), так и стилистики перевода («высоких слов класть не надобят, но Посольского приказу употреби слова»¹⁰). Как справедливо отметил В. В. Виноградов, «„европеизация“ русского языка носила ярко выраженный отпечаток правительственного режима».¹¹ Тем не менее переводчики оставались в растерянности, и Петр I сам редактировал все напечатанные при нем переводы.

В этих условиях естественным был бы повышенный интерес к нормативным руководствам, т. е. к риторикам. И действительно, в это время (1690—1720-е гг.) на русский язык переводятся риторика Софрония Лихуды, Раймунда Люллия, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича. Составляют свои руководства Я. Белобоккий и М. Усачев. Риторика эти переписываются и собираются. Так, в старообрядческом Выгорецком общежитии были собраны все известные риторика на русском языке (всего шесть, за исключением риторики Макария 1620 г.), а в середине 1720-х гг. на их основе создан риторический свод.¹²

Однако разрешить стилистические проблемы традиционная риторика в условиях распада диглоссии не могла, поскольку изложенное в ней учение «о трех родах глаголанья»¹³ не было ориентировано на создавшуюся социолингвистическую ситуацию.¹⁴ Эту лагуну в эстетическом сознании можно было заполнить двумя способами: созданием принципиально новой стилистической теории на «природном» языке и обращением к опыту западноевропейских национальных литератур. Однако широкое знакомство и усвоение литературно-эстетических взглядов европейских теоретиков литературы началось после, вернее, одновременно с созданием Ломоносовым новой стилистической теории и усиленной работой других поэтов-филологов в области словесной эстетики.¹⁵

В доломоновский период случаи знакомства с современной литературно-критической мыслью Европы (имеем в виду переводы) единичны. Насколько нам известно, они ограничиваются изложением начал стилистики в «Искусстве недерландского языка» (1717), где помещены разделы «О сочинении речей» и «О хитрословии, или высоком наречии», и рядом статей, посвященных вопросам стиля, в «Примечаниях к Ведомостям».¹⁶ Сюда можно добавить и публикуемый перевод трактата С. Х. Любомирского о стиле.

* * *

Творчество польского поэта, прозаика и переводчика Станислава Хераклиуша Любомирского (1642—1702) было довольно хорошо известно

⁹ Из письма переводчику И. Зотову (П е к а р с к и й, с. 227).

¹⁰ Это известный отзыв Петра I о переводе Ф. Поликарпова «Географии генеральной» (Русский архив, 1868, № 7—9, с. 1054).

¹¹ В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 51.

¹² См.: Н. В. Понырко. Выговская литературная школа в первой половине XVIII ст. Автореф. канд. дис. Л., 1979, с. 7—15.

¹³ Соответствующие главы из риторики Макария, М. Усачева, Феофана Прокоповича и Порфирия Крайского опубликованы в кн.: В. П. Во́мперский. Стилистическое учение М. В. Ломоносова... с. 184—204.

¹⁴ Проблемы церковнославянско-русской диглоссии рассматриваются в работах Б. А. Успенского, Г. Хютль-Ворт и др.

¹⁵ См.: Г. А. Гуковский. Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750 гг. — В кн.: XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, с. 98—128; И. А. Чернов. Из лекций по теоретическому литературоведению. Барокко: литература/литературоведение. Тарту, 1976, с. 142—151.

¹⁶ См.: В. Севел. Искусство недерландского языка. СПб., 1717, с. 650—667, 682—715; В. П. Степанов. Критика маньеризма в «Примечаниях к Ведомостям». — В кн.: Русская литература XVIII века и ее международные связи (XVIII век, сб. 10). Л., 1975, с. 39—48.

в России. Но это была известность анонима — его сочинения подписаны были либо его инициалами, либо псевдонимами, либо просто анонимны.

3 апреля 1676 г. русский посланник в Варшаве В. М. Тяпкин купил два экземпляра по «ефимку за книгу»¹⁷ анонимно изданного панегирика Любомирского «Польская муза» по случаю коронации Яна Собесского. В делах Посольского приказа сохранился один экземпляр этой книжки,¹⁸ где некоторые строки и строфы, в которых Любомирский «с укоризной» отзывался о России, помечены крестиком. В том же году эти отрывки были переведены на русский язык.¹⁹ Примечательно, что кн. В. В. Голицын в переговорах с польскими дипломатами приводил их как пример недружелюбного отношения некоторых писателей к русскому государству, не зная, что написал их великий коронный маршал С. Х. Любомирский.

Почти полвека спустя, в 1730 г., с латинского языка были переведены его «Притчи правоучительные о добродетели и фортуне», перевод их пользовался популярностью до самого конца XVIII в.²⁰ Здесь также нет имени Любомирского, только анаграмма «Миробулия Тассалина» (т. е. «Mirobulius Tassalinus—Lubomirius Stanislaus»). В русских библиотеках того времени книги Любомирского встречаются очень редко. В библиотеке кн. Д. М. Голицына была книга «О бесполезности советов» («De vanitate consiliorum», 1700), правда, в описи библиотеки автором назван «Стан. Любенский».²¹

В описи библиотеки А. П. Волинского значится книжка «Разговоры Евандровы на полском».²² Это несомненно «Беседы Артаксеса и Эвандра» («Rozmowy Artaxesa i Ewandra») Любомирского, впервые изданные в 1683 г. и выдержавшие до середины XVIII в. шесть изданий (1683, 1694, 1708, 1718, 1734, 1745). Своей популярностью она обязана прежде всего широте тем, затронутых автором.

Два аристократа, Артаксес и Эвандр, отрываясь от своих занятий в королевском дворце, выходят в сад, встречаются на прогулке и во время беседы затрагивают какую-либо тему, обсуждают ее, после чего один из них произносит длиннейший монолог, проявляя при этом незаурядную эрудицию. Собственно дискуссионная часть «Бесед» в несколько раз меньше по объему монологов-трактатов на самые различные темы. Наука и образование, литература, религия, политика — на любую мимоходом затронутую тему Артаксес и Эвандр рассуждают свободно и со знанием дела, цитируя при этом десятки сочинений древних и новых авторов от Плутарха и Сенеки до Монтеня и Дж. Марино.²³ Это представители наиболее просвещенной части общества тогдашней Польши.

Своих читателей Любомирский нашел и в России в лице кн. Д. М. Голицына и А. П. Волинского. И не только читателей.

Это третье произведение польского писателя, переведенное на русский язык. Перевод известен нам в единственном списке, датированном 20—

¹⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. № 178, л. 369. Книга была напечатана в январе 1676 г.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 79, 1676, № 8.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. № 177, л. 481—485.

²⁰ См.: D. Čiževský. Zu den polnisch-russischen literarischen Beziehungen. Stanisław Herakliusz Lubomirski in russischer Übersetzung. — Zeitschrift für Slavische Philologie, 1955, Bd XXIII, H. 2, S. 256—260; Н. Д. Численко. Латинские притчи Ст. Х. Любомирского в русском переводе 1730 г. — В кн.: Тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980, с. 190—191; С. И. Николаев. Эпиграм и проповедь (Проблемы изучения перевода «Adverbia moralia» С. Х. Любомирского 1730 г.). — В кн.: Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII—начало XIX в. (XVIII век, сб. 13). Л., 1981, с. 205—218.

²¹ ГБЛ, ф. 64, к. 80, ед. 10, л. 56 об.

²² С. П. Луилов. Библиотека Артемия Волинского. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979, с. 125.

²³ Анализ источников данного произведения Любомирского посвящена отдельная монография: W. Szczygieł. Źródła «Rozmów Artaxesa i Ewandra» St. H. Lubomirskiego. Kraków, 1929.

30-ми гг. XVIII в.²⁴ Это несомненно список — в тексте много описок, пропусков слов и букв, искаженных написаний. Для точной датировки перевода никаких данных нет, приходится датировать его концом XVII — первой четвертью XVIII в. Перевод сделан в России, но, очевидно, выходцем из Украины или Белоруссии, о чем свидетельствуют не только морфологические признаки, но и лексика, в том числе довольно большое число полонизмов, понятных украинцу или белорусу без перевода. Переводчик — человек книжной культуры, о чем свидетельствует употребление сложных числительных («розмова третиянадесять»), исчезающих глагольных форм, дательного самостоятельного («приспешу времени родити явишася в утробе», л. 124). Заимствований, характерных для петровской эпохи, практически нет. Переводчик несомненно получил хорошее образование — латинские цитаты, в изобилии встречающиеся у Любомирского, переведены безукоризненно, например, цитата из Сенеки «*Omnis Ars imitatio est naturae*»²⁵ в переводе выглядит так: «Всякое художество есть токмо наследование естества» (л. 33).

Переведены все 13 бесед, но с сокращениями. Прежде всего исчезла вся дискурсивная часть, ее следы остались только в заглавии книги («Розмовы или беседы») и в названиях глав («розмова»). Текст трактатов также подвергся сокращению: выпущены слова, предложения, некоторые примеры, пересказа, однако, нет. Иногда переводчик добавляет одно-два поясняющих слова, уточняет отсылку автора; например, Любомирский просто отсылает к библейской книге Иова («Iob»), а в переводе уточнено: «Иов 19, верш 23» (л. 28 об.). Встречается игра слов, оригиналом не предусмотренная; например, у Любомирского: «*Ale też nią rzeczy nie przeładować, aby z poważnego mówcę nie uczyniła śmiesznym*» («Но не следует перегружать произведение эрудицией, чтобы серьезный оратор не выглядел смешно», с. 208); в переводе: «Но не тебе учением зело превозноситися, абы с повседневного стихотворца не учинило смехотворцем» (л. 33 об.). Такова общая характеристика перевода и переводчика.

Интересующий нас трактат о стиле — третья беседа («О стиле, или способе говорить и писать»)²⁶. Этот «литературный манифест эпохи»²⁷ неоднократно привлекал к себе внимание исследователей прежде всего потому, что это первое на польском языке сочинение о стиле, написанное крупнейшим автором позднего барокко. После вступления, где кратко излагается история понятия «стиль» и теория подражания,²⁸ Любомирский характеризует стиль исторический, ораторский, эпистолярный и

²⁴ ЦГАДА, ф. 187 (колл. рукописных книг ЦГАЛИ), оп. 1, № 99. «Розмовы или беседы двох мудрых персон». 4^о, 1+319 л., переплет — картон в коже с тиснением, полуустав. Филигрانی: 1) «почтальон» — тип, близкий к Э. Лауцявичюс № 2766—1730 г. (E. Laucėvičius. *Papierius Lietuvoje XVI—XVIII a.* Vilnius, 1967.). Ср. Тромонин № 1810 — без даты; 2) «герб города Амстердама», буквы IA — С. А. Клепиков. Бумага с филигранью «герб города Амстердама». — Записки отдела рукописей ГБЛ, вып. 20. М., 1958, № 107 — 1719 г. (далее: Клепиков); 3) «герб города Амстердама», вензель GVN, контрмарка BEAUVAIS — Клепиков, № 29 — 1712—1726 гг.; 4) «герб города Амстердама», буквы I ARDEL — Клепиков, № 135 — 1719—1727 гг.; 5) «герб города Амстердама», буквы ID — Клепиков, № 12 — 1717, 1720 гг.; 6) тип «Allmod Papier» — аналогичного в альбомах не обнаружено; 7) большая W под короной, внизу буквы IHK в рамке — тип, близкий к Э. Лауцявичюс № 3332 — 1705 г. На верхней и нижней внутренних крышках переплета наклеены листки с текстом, кажется, «Розмов или бесед». Далее в тексте указываются листы этой рукописи.

²⁵ S. H. Lubomirski. *Wybór pism.* Oprac. R. Pollak. Wrocław, 1953, s. 206. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

²⁶ Польский текст переиздан в кн.: S. H. Lubomirski. *Wybór pism*, s. 191—221. Маргиналии не учтены, сличение их с переводом делалось по изданию 1683 г. (БАН).

²⁷ B. Otwinowska. *Modele i style prozy w dyskusjach na przełomie XVI i XVII wieku.* Wrocław, 1967, s. 157.

²⁸ Его взгляды на подражание во многом сходны со взглядами Феофана Прокоповича, изложенными в его «Поэтике».

поэтический, указывает особенности каждого и называет лучших их представителей.²⁹

Изложенные в этом трактате признаки аттического стиля отвечали, на первый взгляд, требованиям, выдвинутым русскими переводчиками петровской эпохи, — краткости и простоте. Но на практике, как мы видели выше, излишняя «сокращенность» стиля Липсия, главы аттического направления в прозе, была как раз камнем преткновения для переводчиков. Несомненный интерес в трактате могло вызвать и то, что Любомирский, охарактеризовав стиль древних писателей (преимущественно серебряного века — Сенеки и Тацита), непременно сравнивал с ним современных («неотериков»). В риториках и поэтиках такого сравнения не было.

Если задаться вопросом, насколько адекватно воспринимался этот текст в России и насколько были понятны ссылки на древних и новейших авторов, то есть все основания утверждать, что образованному читателю первой четверти XVIII в. эти имена были знакомы, поскольку большая часть этих авторов была в России известна.³⁰ В переводе эти характеристики и оценки Любомирского сохранены. Текст трактата сокращен примерно на одну треть — отсутствуют некоторые примеры, сокращены развернутые характеристики, полностью опущен раздел, посвященный поэзии. Вряд ли он опущен по той причине, что западноевропейская поэзия не была известна в России; например, из упомянутых здесь поэтов Т. Тассо, М. К. Сарбевский были известны не только в оригиналах, но и в переводах. Возможно, переводчика интересовал только стиль прозы, по этой же, очевидно, причине остался непереведенным и сонет Любомирского о Таците.

Публикуемый перевод трактата С. Х. Любомирского о стиле — еще одно свидетельство появившегося в начале XVIII в. интереса к проблеме стиля. Понятно и обращение к литературно-критической мысли Польши — недавняя литература-посредница еще не утратила своего значения для русских писателей.

РОЗМОВА ТРЕТЬЯ О ДИАЛЕКТЕ^{1*} ИЛИ СПОСОБЕ ГЛАГОЛАНІЯ И ПИСАНІЯ

л. 28

Пером или языком красно что изображено, обыкли людие глаголатъ: красным та книшка или лист диалектом написанъ^а, или: трудный той диалект к писанию. Одним словом, что пишем или читаем, оное письменное изображение или написание диалектом называем. Какая бы сего вина была, наше сие слово диалект приличное есть до употребления исписанных речей^б и вимислов, различно о том рассуждаться^в может. А я о том слове утверждаю, что имеет название свое от старобытности и з древнейшими словами может^г счислятися, ибо диалект полским языком знаменует орудие^д, которым слова писания старобытные люди на камениях или железе изображали или на оловянных и восковых дсках книги и листы писали, а не на бумагах, о чем Иов в книгах своих свидетелствует:// «Кто ме сие даст, да напишутся словеса мои в писании железное»^е. В тие времена ани печати^ж, ани чернил не употребляли, но орудием на то устроенным изображали слова и писания, и оттого все способы писания называли именем^з того орудия, чesого и по днесъ употребляют, но не

л. 28
об.

²⁹ Подробнее см.: W. S z c z y g i e ł. Źródła «Rozmów Artaxesa i Ewandra» S. H. Lubomirskiego, s. 10—24.

³⁰ Сведения о переводах см. в комментарии к публикации.

* Здесь и далее арабские цифры отсылают к комментарию после публикации.

^а Испр., в ркп. написа ^б На поле глосса другим почерком вещей ^в Испр., в ркп. рассуждаться ^г Испр., в ркп. может ^д На поле Что знаменует диалект ^е На поле Иов 19, верш 23 ^ж Испр., в ркп. печатси ^з Испр., в ркп. имене

именуют древним наречием от чего то писмо писано, но токмо глаголют: пером красно писано, ибо не употребляют ныне в мире древних орудий к писанию належащих.

Обаче како ни называем, а ничесого не имеем вящшаго от древних во изобретанных науках и песменах^И. Оным природный и свойственный разум с разсуждением был предводитель в писании, мы же чесому последуем, то и умеем, и вправду может рещися: что премудрейшее нынешнего веку писмо есть острое изображение древняго наследования. «Тако прежде л. 29 приятую отдаем должность». Сим// путем идуще, который древний век нам определил, не будем подлежать уничижению, но паче похваление стяжем последующе древным писменем издателем их.

Сие нам разсуждение о наследовании древних аки с рук до рук подают^К древние лета, в чем мы и придожнны есми в почтении^Л и наследовании оных. А не токмо мы, нынешняго веку, но и древнии^М древнейших любительно наследовали.

Като, великий и мудрый философ, аще и сам писма и наказания много свету оставил, а обаче сам любил книги Платоновы и всегда их носил при себе и наследовал их в диалекте, и кто бы оныя читаючи разсуждал, котораго бы было писмо, мню, яко рекл бы: единого издателя² суть оба диалекты^Н. Свидетельствуют истории, что по проигранной со Июлиушем домовою войне^О, первой нежели сам себя забил, довольно Плятонову книгу о несмертности душевной ночью читал и удовольитися не мог. А наконец, сам себя // зарезавши, мало что не до конца своего читал ю жития. л. 29 об.

Юлий Цесарь зело любил книгу Гомера грецкаго и с великим прилежанием читал^П, и не срамлялся изуст учить, и при великих военных забавах употреблял. Единого времени по несчастью случилось ему чрез некакую великую реку плыти, и тут не оставил книги Гомеровою, одною рукою нужду свою исправлял — плыл, а другою книгу верху води держал, чтобы не измочить, и в равной чести у него была Гомерова книга с мечем. И для того избрал себе знамение или надписание книгу Гомерову, а на ней обнаженный меч с надписанием: «От обоих цесарь», хотя тем изобразить, что и мечем и от книг быть хочет славным.

Отсюда познать можно, что добрый диалект быть не может разве с наследованием древняго^Р, и то есть наилучший диалект, который доброму наиприличнейший. Ничесого не имеем сами от себе, но древнейшии // писма суть зеркалами и^С образом нынешних, от них пример приемлем, от них и учимся, слово к слову применяя, уподобляемся и есть некая писменная живость или паче рещи душа всякаго писания, а слог того писания должен быть ани зело краткий, ани продолженный, но в равной мере не чужими словами, но свойственными, написанный наподобие онаго автора, котораго наследуеш. Аще высокий, то высоко, аще померный, то померно, аще расплодный, то расплодно, аще дерзостный, то дерзостно наследовать. А сие происходит от уподобия и от природы разума, свойственного во всяком человеце; каков имать смысл или остроту, таков любит и диалект. Не может рещися, что той диалект есть лучший от другаго — все суть добры, аще истинно вещь, о которой пишет, изобразит^Т. А кто инако пишет нежели вещь повествует, той преступляет противу разсуждению, которое есть душою и управительством всякаго писма. Яко аще кто бы хотя домостройство или огородничество описать, а писал бы красными // и высокими словами, неприличными тем вещем^У — сие несть добрый диалект. л. 30 об.

^И На поле От старобытных наилучший способ ^К Испр., в ркп. подает ^Л Испр., в ркп. почтении ^М Испр., в ркп. древни ^Н На поле Като великий наследовал Платона ^О Испр., в ркп. войны ^П На поле Юлий любил книгу Гомерову ^Р На поле Все имеем от древних ^С Доб., в ркп. нет ^Т На поле Диалект от разсуждения происходит ^У Испр., в ркп. вещами

Читал добраго автора латынского имянем Флора, который риторским красномовством и огороднический уряд^ф вяшше потребы описал^х, воистинну прекрасным диалектом^ц изобразил, но не есть похвална, ибо неприличныя фигуры и вымышления огородничеству приписал^ч. Читал и другаго о той же вещи автора итальяским^ш языком, и сей общую домостройнаго порядку економии совершенно и читателю описал, а называется имянем «Тенара». Плиний так же «О естественных» писал книгу и сей достоин похвали, ибо речь свою совершенно и природным, а не гордим диалектом описал, яко того вещь потребовала^ш.

Так же противным способом: кто бы высокую речь и славную тупо и неясно^з и не высоким^ю диалектом описал, подлежал бы таковой поношению, ибо похвала вымовы требует, вымова же разумных составлений.

Яко всякая речь, тако и диалект должен иметь свой союз, не тако, яко инии пи//шут: один слад на дванадесят строк разширяют, и послежде скротивши его, окончивают. В таком писании не обрящеш ани примиру, ани научения, ани ползы, аки бы в великом лесе много дров и малих и суковатых, от которых ниедино удобно есть к созиданию, аще их и много звне уду видим. От таких диалектов, которые вяшше слова, анежели речь изъясняют^я мало пользы есть. Прилично, аки неблагообразное лице в златовидном одеянии. А то происходит от сего, что таковой первой употребляет ума, а к рассуждению не склоняется, аще и не есть того потреба, часто и много глаголет или пишет. Рассуждение есть всякому научению обладател и оному же ум есть во всем повинующися^{и, а}, и аще ему в чем будет неблагоуправлять, не дивно то, аще в чем ум и погрешит. Аще кто помышляет что писать, первой треба ему помыслия разсудить, о чем имать писать, абы слова и речи способные были.

Кто пишет историю, должен от иных к//ратчайший иметь диалект, абы читающему чтение было не стужительно^б, обаче не утаевая ничего, где и каковою причиною что деялося, ибо история не толко повествует, но и научает. Того ради Дивияло^в, историк французский, имеет похвалу, что кратко и совершенно и ясно историю свою написал. Туан так же французскую историю пишет, но разширительней от первого, обаче ничего более не пишет, того ради первый приятнейший к чтанию.

Граммонд также по чину пристойному пишет свою историю^г. Квицардин^з итальяский разширительную историю зело кратким диалектом списал, и для того гишпанский король Филип четвертый зело любительно читал.

Гроцы^д голендерский дела^д, а по нем неотерик Барлей,^е Кромер, Пясецкий^в и Ореховский^з. Зело добрыи историки померным и природным диалектом дела писали, и инные много во свете помешанных поступков и дневных дел писали, анежели историю подобную, и наи//паче правдою, а не диалектом описавали. Страда хотя и по чину писал, болшую похвалу бы имел, когда бы меньшие оставивши речи, знаменитые писал бы поступки^е. Мариана, гишпанский историк, начала гишпанские пристойно описал. Старые историки, от которых^ж нынешние приклад в письме взяли, яко римский историк славный по днесь в диалекте Тацйт, котораго более нынешние историки политичнее в диалекте употребляют^з. Инные и зело его, аки повседневно^и некое писмо читают. И есть его диалект над все инные историчные диалекты связнейший и тем есть най-

^ф Испр., в ркп. уряд ^х На поле Флор ^ц Испр., в ркп. диалектомо ^ч На поле
Всякая вещь должна иметь не трудный диалект ^ш Испр., в ркп. итальяйским
^ш На поле Плиний ^{з-ю} Написано на приклеенной полоске бумаги ^я Испр., в ркп.
изъясняет

^{и, а} На поле Разум с рас(с)уждением должен быть ^б На поле Диалект историч-
ный ^в На поле Давиала ^г На поле Граммонт, Квицардин ^д На поле Гроцы,
Барлей, Кромер, Пясецкий, Ореховский ^е На поле Страда ^ж Испр., в ркп.
когораго ^з На поле Тацйт ^и Испр., в ркп. поседнвное

редший, что всяких политичных урядов образы и хитрые поступки разных особ и прирождение свойственным писанием^к, но кратким и связным диалектом изобразил. И того ради письмо его есть трудно к читанию и зело нескоро поятно ко разумению.

Кроме Тацита ни один еще историк не писал кратким и связным диалектом.

Патеркуль, историк римский, зело подобне^л в диалекте и речи Тациту писал^м, но много меньше его, // обаче в словах зело много Тацита наследовал. Флор не так историю, но краткое собрание историчное писал^н, но зело чиновно и рассудительней от Тацита в диалекте и зело приятный есть к читанию, но краток и для того на его инную писали книгу.

Салюсти красномовнейший от всех инных диалект и речь свою описал, но не так связней, яко Тацит^о.

Коментарии Юлиия Цесаря⁸ хотя простым диалектом военные дела писаны, обаче зело потребны разсудному военнику ко наследованию^п.

Ксенофонт гречин о многих вещах природным диалектом зело рассудительно писал и есть ко употреблению нужный для всяких доводов.

Ливиуш⁹ и Юстин также по чину историчному зело красно писали.

И иные многии, которых притруди всех исчести, такожде по чину историчному с рассуждением, с пристойными словами диалект писали, о чем письмо их само свидетельствует. //

И инный есть диалект рыторский и ветийския^р, а инный историчный, котораго в мове всякому^с волно^т по рассуждению и наклонению своему^у природному к речи употребить.

Ибо яко язык есть истолкователь сердца и мысли, тако и слова вымолвленные^ф им должны суть возбудить или утешить смысл, обаче с рассматрительным^х размерением слов и прикладов и фигур и инных к ветийству^ц прилежащих способов, дабы не стужить и не оскорбить непомерным многословством слушающего.

Таковый был Улиссес, который природною вымовою науку и наученных посрамлял и постиждал^ч, и которые обыкли ветийствия своя высокими и вымышленными словами украшать^ш, не могли его превзойти^щ ани сравнятся с ним. Ничесого наука не имеет вящшего от природы, о чем и Сенека¹⁰ пишет: «Всякое художество есть токмо наследование естества»⁹.

Что суть оные разуми, которые схолясти^ю //ческими^ю толко способами пишут и мыслят о себе, аки бы ин никто лутче их не могл писать.

Пишет Тацит о Агриколе^я, который был человек зело вымовный, а наипаче тем славнейший, что в^{III}, а мудрости своей содержал меру.^б

Совершеннейшая есть речь разумному человеку быть управителем своих фигур, вымыслов и слов, одним словом, яко некто рекл, иметь стир в руках, плавающе в мудрости. Не повелеваю, абы отставя учение, простым токмо писать диалектом, ибо учение есть доброе ко всему и украшение многому, и должно есть его учиться.

Но не требе учением зело превозноситься, абы с повседневнога стихотворца не учинило смехотворцем. Премудре и рассудительне речь с речью солучить есть дело учения наипаче, анижели естества. Конечно абы кратко, разумно и связно слог свой писать, о чем исповествуют: «Великаго художника // есть дело — великую речь вмале замкнуть». Между

^к Испр., в ркп. писанье ^л Испр., в ркп. подоби ^м На поле Патеркуль
^н На поле Флор ^о На поле Салюсти ^п На поле Коментарий Юлиев ^р На поле
Диалект рыторский ^{с-у} Написано между строк ^{т-у} Написано на наклеенной
написке бумаги ^ф Испр., в ркп. вымолвленные ^х Испр., в ркп. рассматрительным
^ц Испр., в ркп. ветийству ^ч На поле Вымова улиссе(с)ова ^ш Испр., в ркп. укра-
шает ^щ Испр., в ркп. превозити ⁹ На поле Сенека ^ю Испр., в ркп. схоля-
тических
^я Испр., в ркп. Агриколе,
^{III, а} Испр., в ркп. с ^б На поле М(у)дрость агриколева померна

древними мудрецами Сократес, Демостен, Цицерон ^в дали главизну учению риторскому.

Зело похвална древняя римская канцелярия, которую ныне венецкая и полская в писании листов наследуют ^г, а в иных народах не зело сего употребляют, а наипаче где самовладетельнейшии ^д монархи не тцатся, абы был диалект складный, но абы речь была. Для того в Гишпани и у французов советные листы лучшим диалектом пишут, а общие дела простыми словами и не пекутся, абы слова были избранные, но токмо абы их слушали и боялися. А у волных народов, яко в Полше, в Венеции, зело много помагаєт краснописменный диалект.

Много древние вымовники, яко Мариуш, Улиссес, Александер, Юлий, Помпей, Аннибал и инных множество, которые мяхкими словами и красомовным диалектом острые сердца превращали.

Пир, король епироккий, брал на войну с собою Цынея, // ученика ^{л. 34 об.} демостенесоваго, во оные городы, которые хотел воевать, в посолствах посылал его, дабы ласкательными словами острые неприятельские сердца умяхчал и склонял ко отданию без пролития крови городи, о чем и сам Пир многожды визнавал, что болей словом Цынея, анежели мечем своим стран под власть свою наклонил.

Суть такожде добрые диалекты и некоторых нынешних, часто риторскаго учения употребляющих, между которыми италиянин Маскард ^е именем в витийствиях и в беседах своих обычайных слогом ^ж и диалектом инных превосходил. Лоредан, ^и такожде италиянин, прекрасным и разумным диалектом писал листов из разных вымысленных бесед много ^з.

Бакон, канцлер во Англии, прекрасным и зело знаменитым диалектом написал две книги ^и. Одной имя «Надзирательства обычайная», в которой о различных политичных вежлиствах и нравах и речах связны // м и умным ^{л. 35 об.} слогом беседует, другую именовал «Премудрость древних», в которой есть чего и научиться и начитатися.

Саведра ^к «Емблемата, или изображения» ^л со нравоучительным наказанием высоким и мерным и ученым слогом паче иных многих написал, котораго в таковом поведении ни един еще не превшел ^л. В притворных историях, которые романиянами называются так латынским, яко и иных посторонних языков диалектом, суть многие и славные ^м: Барклай ^н в «Аргениде» и «Евформии» много научает, такожде и утешает многоплетенною своею связностию ^н.

А что ж о инных глаголат ^о, которых много италиянским и французским языком писано: «Пир», «Еромен», «Стратоник», «Калеондер», «Дианея», «Клеопатра» ^п и инных множество. Те все книги не иннаго чего ради написаны, токмо для употребления и учения. Яко во Италии, а наипаче французях, наиболее таковых книг знаменитые люди употребляют и женскаго полу девические лица себе списывают и разум свой теми учеными диалектами поощряют яко многие от них разумом мужеск пол ^{л. 35 об.} превосходят ^п. Такожде в Бононии, в Флоренции, Рыме, в Ведне, Париже и в иных славных градах, где высокие и знаменитые великих господ дома обретаются, тамо бывают у высоких и ковалерских лиц схождения и академии под знаком некаких забав и слов розмовных, бесед для научения прекрасных диалектов, абы могли разум свой прекрасными слогами увеселить и утешить. Древних людей мысль на том состояла, дабы кратко, но зело высоким вымыслением речь свою изобразить, каковых выдов во Италии и доныне еще много, яко самые надписы над костелами, фонтаннами, вратами, персонами ^р. Над едным костелом читал надпис чет-

^в Испр., в ркп. Цицерон ^г На поле Похвала римской канцелярии ^д Испр., в ркп. самовладетлишии ^е Испр., в ркп. Маскар ^ж Испр., в ркп. слогам ^з На поле Лоредан ^и На поле Бакон ^к Испр., в ркп. Саверда ^л На поле Саведра ^м На поле Романияи различные ^н На поле Барклай ^о Испр., в ркп. глаголет ^п На поле Академий схождения великих людей и для чего и где ^р На поле Краткость надписов римских

верословный: «Хранителю богу Рим благодарен». Под персоною князя флоренского престолом токмо иных много. Римских старых цесарей денги краткие, но мудрые имеют надписи, яко нероновы: «Для граждан сохраненных», трояновы: «Сенат и общенародство римское благому князю», веспазиянови: // «Иовишу и победителю» и иные, которые мало глаголют, но много^с в себе замикают^т. Нынешних веков ничего такового не слышать, токмо непотребные избытки суетных и ненасытных слов, с которых мало вкусу, а пожитку меньше, а науки нимало. А древние слоги, хотя простые, а обаче имеют в себе некое удивительство, что в едином в малом слове творят недоумения и похваления себе принимают, а то того ради, что выше потреб нималого не придают, свойственно и пристойно речи свое и слова замыкают.

Хто хочет быть в диалекте совершенным, тебе есть, абы во всем был обратливый, старых и новых и списателей и историков авторов для требования своего умел был употреблять, яко трудодеятельная пчела от различных цветов, хотя и от // горких, до единого меду все приносит, знает, где положить мед, где воск, не помешает, не забудет, не оставит ничего неустроенного^у.

Видел великих красомовцов и писарей,¹⁵ которые и простых диалектов не оставляли не чтенных, но с прилежанием из них выбирали, и со временем драгие бисери разума в таковых местех обретаются.

Птоломей, кроль египецкий, в книгохранилище своей имел сорок тысячей разных историков книг, которые во время брани с цесарем во Александрии згорели^ф, о чем зело люди сетовали^х. Но нам довлеет ко учению и ко употреблению которые по ним обретаются, абы токмо трудов и прилежания на сие не жалели, ибо и диалект не немалых требует трудов.

(ЦГАДА, ф. 187, оп. 1, № 99, л. 28—36 об.)

КОММЕНТАРИЙ *

¹ Польское *styl* переводится как «диалект» на протяжении всего текста, однако встречается в значении «слог» (л. 30, 35, 36), «писание» (л. 31). В первой четверти XVIII в. термины «стиль», «диалект», «слог» обладали полной взаимозаменяемостью. См.: В. П. В о м п е р с к и й. Стилистическое учение М. В. Ломоносова. . . , с. 48.

² Т. е. автора. Еще А. Кантемир франц. *auteur* (из VII сатиры Буало) переводил как «издатель».

³ В библиотеке кн. Д. М. Голицына был перевод «Увещения политическая Франциска Гвичардина» (ГПБ, F. II. 49).

⁴ В библиотеке кн. Д. М. Голицына был перевод Г. Гроция «Гугена Грота О законах брани и мира» (ГПБ, F. II. 36).

⁵ Из произведений голландского историка и поэта К. Барлеуса в России было переведено «Слово о дивных свойствах души человеческой» (ГПБ, собр. СПб ДА, № 1503; ГПБ, F. I. 872; ГИМ, Синодальное собр., № 776; БАН, 17.15.7).

⁶ Перевод «Хроники» польского историка П. Пясецкого был в библиотеке Д. М. Голицына (ГПБ, F. IV. 163). В 1735 г. К. Кондратович перевел М. Кромера с латинского языка. См.: «Мартин Кромера, епископа варминского, о начатии поляков и о делах от оных соделанных, и о всех «иных окрестностях Корони Польской, книг тридцать». — БАН, 32. 7. 1. Перевод осуществлялся под присмотром В. Н. Та-тищева.

⁷ У Д. М. Голицына была книга Ст. Ожеховского на латинском языке «*Chimera sive de Stancari funesta regno Poloniae secta*» (1562) (см. опись библиотеки: ГБЛ, ф. 64, к. 80, ед. 10, л. 36), а в русском переводе «Станислава Ореховского Увещание наказательное, или наставление властелину» (Б. А. Градова, Б. М. Клосс, В. И. К о р е ц к и й. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына. — В кн.: Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979, с. 244).

^с Испр., в ркп. мно ^т На поле Римские старье надписи ^у На поле Приклад пчелы ^ф Испр., в ркп. згорела ^х На поле Книгохранилище Птолемея.

* В комментарии объяснен перевод некоторых терминов и указаны известные нам переводы до 1740-х гг. упомянутых Любомирским писателей. Сведения о переводах по большей части извлечены из работ П. П. Пекарского и А. И. Соболевского.

- ⁸ Русский перевод «О войнах Иулия Цесаря» был в библиотеке А. П. Воынского. См.: С. П. Луппов. Библиотека Артемия Воынского. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979, с. 125. Извлечение из «Комментариев» в переводе Б. И. Волкова с французского языка было напечатано в 1717 г. («Краткое описание о войнах из книг цезариевых»; ср.: «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых с некоторыми знатными приметами о тех войнах с особливым разговором о войне». — ЦГАДА, ф. 381, оп. 1, № 1218). Очевидно, латинский оригинал указан в описи книг А. А. Матвеева («Юлия Цесаря о войне гражданской» — ЦГАДА, ф. 17, № 254, л. 128 об.).
- ⁹ Ливий был переведен учителями черниговского коллегиума в 1716 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 295—299) и вторично в 1722 г., по заключению Синода второй перевод «зело неисправен и требует ко исправлению и труда многого и времени довольнаго» (Пекарский, с. 219, примеч. 2). В библиотеке Д. М. Голицына был перевод «Ливия Юлия Фрота о начатии и действиях народу римского» (ГПБ, Q.IV.92).
- ¹⁰ У Д. М. Голицына был перевод «Разум Сенекии или лутчий речения сего философа» (Б. А. Градова, Б. М. Клосс, В. И. Корецкий. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына, с. 247).
- ¹¹ В каталоге книг П. М. Еропкина назван, очевидно, итальянский оригинал Д. Лоредано — «Писма Иоанна Франческа Лоредана. 4 книги» (С. П. Луппов. Библиотека П. М. Еропкина. — В кн.: Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XVIII в. М., 1979; с. 150). У А. П. Воынского был, возможно, польский перевод К. Пекарского одного из романов Лоредано — «История Богатырь страшной» (С. П. Луппов. Библиотека Артемия Воынского, с. 125).
- ¹² Это произведение Д. Сааведра Фахардо дважды переводилось на русский язык. В конце XVII в. его перевел «иноземец» Андрей Дикенсон (ГПБ, собр. СПб. ДА, № 419), а в начале XVIII в. Феофан Прокопович (ГПБ, F.II.67). Оригинал и второй перевод были в библиотеке Петра I (Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978, с. 41, 147).
- ¹³ «Аргенида» Д. Баркля была в библиотеке Сильвестра Медведева (ЦГАДА, ф. 1251, библ. Син. тип., № 3420). В XVII в. было переведено объяснение аллегорий романа «Ключ на Аргениду». Перевод был в библиотеке Д. М. Голицына (ГПБ, Q.XVII.11, Q.XVII. 29). Возможно, что «История о Аргениде», указанная в каталоге библиотеки А. П. Воынского, — польский перевод (С. П. Луппов. Библиотека Артемия Воынского, с. 125). В «Искусстве недерландского языка» есть следующий отзыв о романе Баркля: «Еще же сильные наречения имел летописец Аргенис о Яне Барлеи, и то искусство его в латинском штиле зело в младых моих летах вящше уязвило, нежели материя, которую оной описал, чего ради я в то время позвалсе изучитися латине, хотя в высоком наречии Аргениса и не дошел, понеже тогда память не твердую имел» (пер. Я. Брюса, СПб., 1717, с. 659—660).
- ¹⁴ Из перечисленных романов на русский язык в начале XVIII в. была переведена «История о Калеандре», инсценированная в 1737 г.
- ¹⁵ То есть писателей (пол. pisarz). В том же значении встречается в «Искусстве не-дерландского языка» (с. 658).